

СБОРНИК РАССКАЗОВ №5

Морские

ДОСУГИ

5

Коллектив авторов
Николай Александрович Каланов
Морские досуги №5
Серия «Морские истории и байки»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45252741

«Морские досуги» №5 (Сборник рассказов) / Составитель Каланов Н.

А.: Горизонт; Москва; 2019

ISBN 978-5-6042237-9-6

Аннотация

Сборник "Морские досуги" № 5 – это продолжение серии сборников морских рассказов «Морские досуги». В книге рассказы, маленькие повести и очерки, объединенных темой о море и морях гражданского и военно-морского флота. Авторы, не понаслышке знающие морскую службу, любящие флотскую жизнь, в юмористической (и не только!) форме рассказывают о виденном и пережитом.

Книга рекомендуется для чтения во время "морского досуга" читателя.

Содержит нецензурную брань!

Содержание

Анатолий Акулов	5
Нечаянная встреча	5
Под крыльями альбатроса	16
Александр Дед	31
Пароход должен плыть	31
Судовой электрик, радист и дудочка	36
Алексей Антонов	40
Убежавший в небеса	40
Конец ознакомительного фрагмента.	58

«Морские досуги» № 5

(Сборник рассказов)

Составитель Каланов Н. А

На обложке фото Сергея Балакина

В книге представлены авторы: Анатолий Акулов, Александр Дед, Алексей Антонов, Виктор Блытов, Михаил Бортников, Сергей Воробьёв, Павел Дербенцев, Александр Железнодорогов, Андрей Жеребнёв, Александр Козлов, Александр Курчанов, Александр Левит, Юрий П. Линник, Сергей Маслобоев, Александр Митрофанов, Мореас Фрост, Игорь Орлов, Павел Остроухов, Владимир Пастернак, Михаил Пруцких, Вячеслав Прытков, Андрей Рискин, Валерий Самойлов, Сергей Соболев, Евгений Солнечный, Николай Станиславский, Леонид Туйманов.

Анатолий Акулов

Нечаянная встреча

*И качнутся бессмысленной высью,
Пара фраз, залетевших отсюда:
Я тебя никогда не увижу,
Я тебя никогда не забуду!*

На стихи А. Вознесенского

Этот рассказ о первых ощущениях влюблённости в неизвестную мне ранее страну Кубу, куда я попал по странному стечению жизненных и морских обстоятельств, и где прожил несколько незабываемых лет своей молодости. Начинать писать рассказ о давно прошедших событиях – это занятие не совсем благодарное, но видно так и сохранялись для нас воспоминания просвещенных людей или людей любознательных. Во всяком случае, не было бы их и мы не знали бы много из тех прошедших времен, о которых можем прочесть из воспоминаний людей ушедших давно в небытие, но оставивших нам так много интересного и познавательного!

Но я ещё жив и довольно хорошо помню события тех незабываемых лет! Облик кубинцев определяется по большей

части их двумя главными расовыми корнями – испанским и африканским: сложившийся в веках брызжущий весельем характер этого народа, постоянно готовая улыбка, гостеприимство, любезность и часто неудержимая разговорчивость, быстрая испанская речь, полная собственных оборотов, подчас неожиданных, дерзких. Но эта самобытность относится не только к внешнему облику кубинцев и их манере поведения. На Кубе все приправлено таким горячим соусом из радости, музыки и непобедимой любви к жизни, которую ты ощущаешь здесь всей своей кожей!

Начну рассказ с пересказа одной легенды, очень живучей на Кубе и часто повторяемой моими кубинскими друзьями:

«Когда в самом начале XVI века испанцы плыли вдоль побережья Кубы с целью обследования её берегов, их внимание привлекла одна укромная бухта у подножья большого холма, куда можно было заплыть и спрятаться от сильного ураганного ветра, который застал их в открытом море, а заодно и подремонтировать корабли.

Наутро, когда природа ожила и похорошела после прошедшей накануне грозы, и птички пели и порхали среди цветов, раскрывшихся навстречу ласковому солнцу, испанские военные сошли с корабля, чтобы осмотреть эти чудесные окрестности, и, увидев поодаль возвышающиеся стройные стволы пальм, направились в ту сторону. Приблизившись к пальмам, они вдруг обнаружили там, к своему удивлению, молодую индианку, сидящую на скале, такую красивую, что

глаз не могли от неё оторвать. Её длинные волосы, цвета чернейшего агата, покрывали как накидкой всё её бронзовое тело, и вся она сверкала в лучах солнца, потому что только что искупалась в струях водопада и присела на каменный выступ, чтобы высушиться под свежим ветром и тёплыми лучами солнца.

Тогда испанец обратился к прекрасной девушке и спросил её:

– «Кто ты, прекрасная индианка?»

– «Гавана» (Habana), – ответила она с достоинством.

– «Как называется это место?»

– «Гавана» (Habana), – вновь ответили она.

– «Кто твой отец?»

– «Гаванекс» (Habanex), – ответила с гордостью и, похоже, без страха. Испанцы были изумлены таким спокойствием и такой красотой.

Индианка на скале казалась вылитой из бронзы.

– «Как тебя зовут, скажи?»

– «Гавана» (Habana), – повторила ясно аборигенка.

– «Значит, с сегодняшнего дня это место будет называться «Гавана». Индианка обвела вокруг рукой, повторяя:

– «Гавана, Гавана», – и тыча в себя пальцем, повторила: «Гавана».

Уже к тому времени один из военных, увлекающийся живописью, набросал эскиз этой красивой девушки на скале, и подписал: Гавана.

Много лет спустя, по этому эскизу изваяли статую индианки, которая известна сегодня как Фонтан Индианки или Благородная Гавана.

Благородная Гавана

У меня в Гаване был очень хороший друг, Всеволод. Мы работали в кубинской рыболовной компании Флота Кубана де Песка на небольших траулерах. Я в ремонтной бригаде по судовым двигателям, Сева – старшим механиком на одном из рыболовных траулеров с редким названием «Каламар».

Мы много времени проводили вместе, особенно в субботние и воскресные дни, когда он возвращался из рейса и я непременно составлял ему компанию.

Если рассказывать о Гаване тех лет, то самая интенсивная и бурная жизнь кипела на улицах возле Капитолия и на морском променаде – Малекон. Любителям рома, пива и прохладительных напитков – все эти великолепные напитки и коктейли можно было найти в любом из баров и кафе, окружавших Капитолий. В кафе встречались, знакомились, назначали свидания – это было бьющееся сердце Гаваны и оно стучало с 6 часов вечера до 3–4 часов утра. Вот в одном из этих кафе мы с Севой сидели довольно продолжительное время и наслаждались прекрасным мохито – коктейлем из рома, сахара (или сахарного сиропа), лайма, мятой-иербабуэна минеральной воды.

Капитолийское кафе

На улице было довольно жарко, а в кафе работал бесшумный потолочный вентилятор, звучала негромкая испанская музыка. Рядом с нами за столик присели две молодые кубинки. Они были веселы, громко разговаривали и что-то бурно обсуждали. Меня поразила яркая красота одной из этих девушек – огромные глаза, они просто искрились в полумраке помещения.

Маленькую, изящную головку украшала копна чёрных, пышных волос, улыбка открывала ровные белоснежные зубы – это была мадонна, сошедшая с картины на Землю! Вторая девушка была попроще, но тоже миленькая и хорошенькая! Мы замолчали и только во все глаза смотрели на этих

красоток, не зная, что нужно или можно было делать в таких случаях.

Первым очнулся Всеволод и на ломанном испанском языке пригласил их за наш столик. Девушек не надо было долго упрашивать и они быстренько выпорхнули от своего столика и присоединились к нам. Звали их Мерседес и Мария. Разговорились и выяснили, что они студентки местного университета и зашли в кафе выпить по стаканчику прохладительного напитка.

Я наблюдал за Всеволодом, он так был впечатлён этой встречей, что перестал говорить, краснел и было видно, что ему очень понравилась одна из них, самая красивая, Мария. Мы недолго сидели в кафе, девушки куда-то спешили и мы с ними распрощались.

Дальнейшие события развивались по следующему сценарию.

Всеволод был холост, ему было около 27 лет, и после встречи с кубинками он пережил личную трагедию, подробности которой я узнал много лет позже!. Мой друг не забыл этой нечаянной встречи и приложил немало усилий, чтобы вновь встретить понравившуюся ему девушку по имени Мария.

Морские ворота в порт Гавана

Специфика его работы была такова, что ему приходилось уходить в море на траулере на 30–40 дней, а потом на 7–8 дней он возвращался в порт.

Несмотря на такое короткое время стоянки в порту, Всеволод всё свободное время посвящал своей новой знакомой Марии. Испанским языком он владел довольно сносно и недопонимания в их отношениях не было. Он узнал, что Мария и Мерседес были родными сёстрами и жили вместе с мамой в одном из самых престижных районов Гаваны – Марианау. Сёстры учились в Гаванском университете на факультете иностранных языков, но на разных курсах. Всеволод рассказывал, что приезжал знакомиться с мамой Марии. Семья жила в приличном доме, с маленьким бассейном, внутренним двориком и аркой, украшенной великолепными розами.

Папа девушек, после революции, уехал в Испанию и в воспитании девочек участия не принимал. Всеволода приняли за столом, уставленным фруктами, вином и букетами цветов. Мама Марии прекрасно играла на рояле и они все вместе наслаждались чудесной музыкой, которую она им исполняла.

Как рассказывал потом Всеволод, он решил тогда сделать предложение Марии стать его женой. Да, это была прекрасная пара, когда они шли вместе по улице, многие прохожие оборачивались и с восхищением смотрели им вслед! Русоволосый Всеволод и брюнетка Мария смотрелись очаровательно!

Только судьба с молодыми влюблёнными распорядилась иначе.

В один из приходов в порт Всеволод узнал, что не может встретиться с Марией. Девушка заболела, (сердце) и её положили в госпиталь.

Медицина на Кубе была очень продвинутой и врачи-кубинцы были высококвалифицированными специалистами. Поэтому у Всеволода не было никаких сомнений в том, что Мария поправится и они скоро встретятся.

Несколько раз Всеволод навещал её в госпитале и не было никаких, даже малейших сомнений, что она поправится.

С таким же уверенным настроением он ушёл в очередной рейс.

Когда Всеволод вернулся в порт и позвонил Марии на домашний телефон – ему ответили, что Мария умерла вечером

вчерашнего дня...

Всё остальное для него было как в страшном сне; слёзы, похороны и полнейшая, глухая пустота! Самое страшное для него было, что он не смог услышать её последние слова, увидеть её последний взгляд, услышать последний вздох! Это был такой удар, что выдержать его мог только сильный человек, а Всеволод был влюблённым, он строил с Марией свою будущую жизнь 1 И – вот такой финал!

После похорон Всеволод расторгнул контракт и уехал из Гаваны, где он оставил свою любовь и прекрасную Марию!

ЭПИЛОГ

Оглядываясь на прошлое, с высоты прожитых лет, как то в другом свете вспоминаются те далёкие события, и начинаешь правильно оценивать, понимать, анализировать жизненные ситуации: счастливые и радостные, грустные и печальные. В моей жизни всего этого было достаточно!

Но этот случай с моим другом Всеволодом запомнился мне надолго и часто перебирая в памяти воспоминания – этот эпизод стоит отдельной строкой.

Я не зря начал рассказ с легенды о красивой девушке олицетворявшей Гавану. Мария для меня в памяти осталась девушкой, олицетворяющей красоту Кубы, напоминающей мне о нашей прекрасной, радостной, неповторимой молодости, трепетной любви Марии и Всеволода, двух сердец, к сожалению не соединившихся навеки!

Я должен был поведать эту историю любви, хотя она очень грустная... Последние дни эпизоды прошедшей жизни всё чаще приходят ко мне и иногда хочется сказать: – «Здравствуй, грусть!».

Господи, как краток путь земной. Свечу мою задуть стремится ветер...

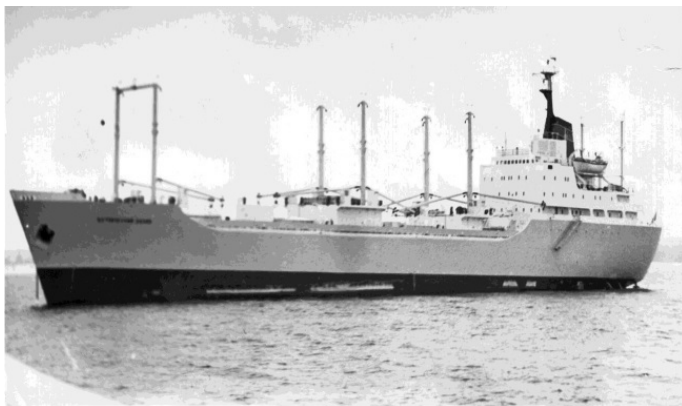
После одной из телепередач «Культурная революция» мне запомнились некоторые отрывки из выступлений:

– Как коротка жизнь на Земле, 12 миллиардов лет: из них 5 миллиардов существовали молекулы, потом 5 миллиардов лет что-то образовывалось и только последние 100–120 тысяч лет стало существовать человечество!!!

Есть тема для размышлений – кто мы, зачем здесь и какая миссия выпадет каждому из нас на финише этой прекрасной Жизни! Будем Жить!

Под крыльями альбатроса

Транспорт-рефрижератор «Ботнический залив» ночью, в январе 1972 года, вышел из порта Таллинн. Транспорт шёл знакомым путём, оставляя за кормой остров Борнхольм, Копенгаген, мыс Скаген и пройдя Северное море, через пролив Ла-Манш вышел в Атлантику.

Транспортный рефрижератор «Ботнический залив»

Отсчитав первые 2000 миль, и, получив по зубам привет от Нептуна в виде шестибального ветерка и небольшую волнушку в два-три метра высотой, «Ботнический залив» начал учтиво качать свой полубак в знак уважения к богу Морей и

Океанов. Стоял конец января, и Нептун легонько поддувал с норд-оста прохладным ветерком. Проложили курс через Атлантический океан к берегам США.

Символом перехода стал морской альбатрос. Три дня нас трепал шторм, затем Нептун запер всех Бореев в ветряные стойла. Море штилело, солнышко начинало садиться в темнеющую морскую гладь и лёгкие тучки на горизонте чётко очеркивались солнечным орнаментом. Над судном повис морской стражник альбатрос! Почти не шевеля двухметровыми крыльями, которые обтекали потоки воздуха, прогретые солнцем, альбатрос шёл над судном, не отставая и не перегоняя его, как будто стал нашим другом или ангелом-хранителем. Этот кадр остался у меня на всю оставшуюся жизнь!

Альбатрос шёл с судном почти двое суток. Никогда суда не сопровождали больше одного, максимум двух этих скитальцев морей, которых никогда, ни один моряк, любящий море, не пытался поймать или пристрелить....

Сколько не смотрел на их полёт, я ни разу не видел движения их крыльев.

Альбатрос в полёте

Плавню поднимаясь и опускаясь, альбатросы шли с судном на вертикальных воздушных потоках вверх или вниз.

Это был сказочный переход, Атлантика отправила Нептуна в отпуск, а с юга шла приличная волна – видимо был шторм у Азорских островов баллов на восемь-девять. Шесть суток транспорт качался на бортовой волне, а на седьмые сутки встретил эстонскую плавбазу «Фредерик Шопен».

Плавбаза шла с Джорджес-банки домой, в Таллинн.

Легли в дрейф, в паре кабельтовых друг от друга. С транспорта спустили на воду моторный вельбот и четырёх человек на его борту: 4-й механик, третий штурман, артельный и матрос.

Вельбот пошёл к плавбазе на 3-х метровых волнах. Волну не взрезало форштевнем, а он плавно и мягко спускался по склону серо-зелёной волны и, подброшенный неведомой рукой, взлетал к гребню волны, раскланиваясь с океаном. По радио договорились обменять кинофильмы и получили согласие от старпома на обмен ящика сгущённого молока и десяти блоков сигарет на 12 банок рыбных пресервов. Пресервы – сельдь спецсола, слабосолёная, жирная, крупная, в 30-сантиметровых банках – оказалась продуктом превосходного качества. Обмен был нелёгким, но не швартуясь к борту плавбазы, с помощью сброшенного с её борта линя, с принайтовленного к нему резинового мешка с коробками фильмов и ящиком пресервов – это добро быстро разгрузили. Мешок с начинкой из коробок фильмов и ящика сгущенки на лине ушёл на «Фредерик Шопен». Вельбот подняли на ботдек и, приветливо обменявшись гудками, суда разошлись своими курсами.

Мне нравилось наблюдать за стайками дельфинов, которые резвились под форштевнем транспорта, а другие неслись наперегонки с кораблём! У них есть свой командир, и они ныряют по команде! Метров десять-пятнадцать пролетают над волнами, шевеля плавниками, длиной до 20 см, а потом сразу ныряют за летучей рыбкой!

Через десять суток подошли к границе рыболовной зоны. За бортом кипела жизнь. В глубине хорошо видны целые косяки рыб, то находящихся в покое, то вдруг срывающихся и

уносящихся прочь. Иногда на поверхности воды появляется треугольный плавник – это сельдяные акулы, один из самых распространённых видов рыб на Джорджес-банке.

Стармех даёт указания механикам

Район подводной банки Джорджес составлял 28 800 квадратных километров. Это подводная мель в океане, глубина над которой значительно меньше окружающих глубин. Банки являются сосредоточением морских биоресурсов, и являются одними из самых крупных в мире по площади и по рыбным запасам. Первое упоминание о лове атлантической сельди встречается в хрониках Англии уже в 702 году и уже

тогда сельдь служила источником благосостояния. Солёная сельдь (сухим посолом) была важным источником торговли ганзейских купцов, и не менее 350 лет на базе этой торговли базировалось морское могущество Ганзейского союза городов.

Вот что значила эта рыбка в те далёкие времена. Она была поистине «золотой» рыбкой! Но в XV веке подходы сельди к берегам Дании и Германии стали гораздо меньше и уловы стали катастрофически падать.

Сельдь стала в огромных количествах подходить к берегам Голландии и Шотландии. Промысел сельди сыграл огромную роль в развитии экономики Голландии, которая освоила мокрый посол сельди в бочках, на кораблях.

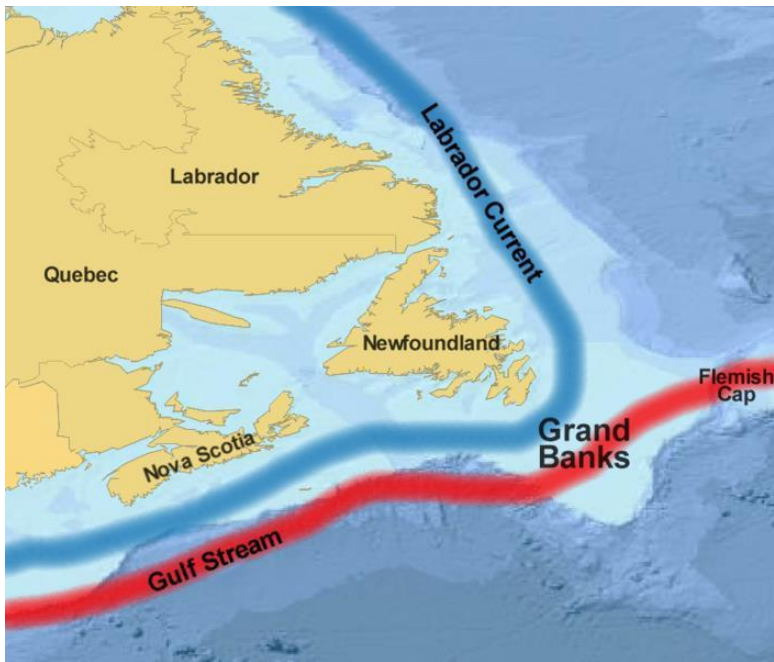
С XVII столетия морской промысел сельди развивается в Англии, затем больше всего сельди стали добывать в Норвегии. Наконец, в 1950–1967 годах наибольшие уловы сельди брали уже и в Советском Союзе.

С юга, вдоль берегов Северной Америки, вдоль огромного шельфового мелководья, которое и называется, Джорджес – банка, проходит мощное тёплое течение Гольфстрим, отклоняясь крутыми обрывами шельфа, к северо-востоку. Наши рыбаки начали осваивать её ещё в начале пятидесятых прошлого века, и там всегда были огромнейшие запасы морской фауны: селёдки, скумбрии, тресковых, омаров, лангустов, креветок, кальмаров, осьминогов.

В районе Джорджес-банки собиралось до нескольких со-

тен рыболовных траулеров из Мурманска, Таллинна, Калининграда, Риги, Клайпеды, Ленинграда, даже из Одессы и Севастополя.

Из иностранных рыбаков там работали траулеры поляков, американцев, испанцев, англичан – рыбы хватало всем. Здесь процветал прибыльный промысел атлантической трески и палтуса, но со временем донные траулеры повредили коралловую и губчатую среду обитания морского дна и уловы значительно уменьшились.

Здесь встречаются два течения

В районе банки стоят почти круглый год плотные, густые туманы – с юга идёт мощная полоса течения Гольфстрим, а вдоль берегов по мелководью заходят холодные воды Гренландии. На стыке двух течений всегда стоит туман, а рыба держится там, где имеется перепад температур воды и образуется много планктона. Иногда можно наблюдать удивительное явление природы – по тёмно-синим океанским вол-

нам плывут длинные полосы ярко-оранжевых водорослей! Эти водоросли тащит Гольфстрим, из Саргассова моря, моря без берегов, посреди океана, а просторы Джорджес – банки бороздили флотилии рыболовецких судов и плавучих заводов.

Радары, эхолоты, воздушные разведчики объединёнными силами ведут наступление на рыбу!

«Ботнический залив» лежит в дрейфе, – якоря не отданы и океанское течение движет наш транспорт вдоль восточного берега Америки.

Когда ночью поднимаешься на мостик, перед глазами предстаёт волшебная огненная картина! На многие сотни миль вокруг горят огни траулеров, транспортов, танкеров и прочего вспомогательного флота.

А на горизонте горит ярко-оранжевое зарево – это отблески от береговых огней и огней движущихся автомобилей близлежащей Америки! Над головой звёздное покрывало, тысячи ярких и неярких звёзд, они изредка падают за багровый горизонт и всё это странно перекликается с огнями на поверхности моря! Такое ощущение, что берег так близко от нас и вся эта рыбалка, с траулерами и другими судами, приснилась во сне, нет ощущения, что всё это наяву! Находясь в этих широтах много рейсов на других судах, хотел бы отметить, что нигде и никогда не наблюдал закатов и восходов солнца такой красоты: с багровыми облаками, подсвеченными лучами солнца, с темновишневым закатным небосводом,

с грозными чёрными тучами попеременно с небесными облачками, словно случайно попавшими в эту пучину!

Игра красок природы была необыкновенна, и не каждый художник мог бы нарисовать эти картины, а мы наблюдали эту красоту, и она оставила в наших душах любовь к грозной силе и нежной красоте океана и небес над нами! Слева и справа к нашим бортам пришвартовались два траулера, и полным ходом идёт перегрузка мороженой рыбы к нам в трюма.

Перегрузка рыбы на транспорт

По правому и левому бортам, как поросятки у свиномат-

ки, тёрлись бортами о резиновые надувные кранцы-мешки до 12 метров длины и полтора метра в диаметре. Они висят на цепях, не давая биться корпусам судов, друг о дружку. Стрелы грузовых лебёдок, как большие толстые удилища нависли над проёмами трюмов. Трюма у нас открыты и оттуда валит пар, в трюме минус семнадцать-восемнадцать градусов по Цельсию, а на палубе больше двадцати.

Полеты с ящиками мороженой рыбы обхватываются капроновой сетью и переносятся на наш борт, исчезая в чреве трюма. Через некоторое время сетка, наполненная стопкой картонной тары, переправляется на борт траулера. В трюмах работают в шапках, валенках и ватниках – холодно!

На траулерах, которые добывали здесь рыбу, происходило следующее.

За одно траление в течение 3–4 часов при хорошо работающем трале в него попадало 35–40 тонн сельди. Казалось бы, обработай этот трал, заморозь свои 30 тонн, свари из отходов сельди рыбную муку и всё! Нет!

Капитаны просто очумевали от шальной сельди, ставили ещё один трал и вытаскивали снова до 40 тонн! Зачем, почему? Так было, такова была истинная горькая правда! Жадности их не было предела!

Так были загублены многие миллионы рыбьих жизней! Эти всё было непонятно ни тогда, ни сейчас, когда анализируешь их действия!

Может быть мне, как механику, недоступны были высшие

мотивы такого поведения? И так поступало большинство из них и в следующих рейсах, которые мне пришлось совершить на рыболовных траулерах, с другими капитанами.

Выборка трала

Оставшаяся на палубе рыба, которую уже нельзя было пускать на заморозку (бункеры для мукомолок также были полны сельдью), смывалась за борт.

И вот такая картина: – у берегов Америки: лежит в дрейфе траулер, вокруг бортов плавают загнившая, смытая с палубы рыба, а в небе тысячи бакланов, которые так благодарны советским морякам за лёгкие завтраки, обеды и ужины!

Все породы чаек, кроме альбатросов, фрегатов и полярных крачек тучами летали над судами и кормились «от пуза», покачиваясь на небольшой, плавной, с отливом зелёного стекла, волне.

Часто в приловы попадало много ценных пород рыб, но на них не было ГОСТа. А если нет ГОСТа, то нет и цены. А если нет цены, то в СССР никто эту рыбу не примет. И пускали эти ценнейшие породы рыб на муку. Рыбацкий труд был не самым лёгким, что на палубе, что в рыбном цеху.

Но тяжёлый труд машинной команды, как ни печально, никому не виден, кроме нас самих. И это было всегда и везде. Я в этом убедился за долгое время работы в море.

Считалось, что рыбаки получают большие деньги. Но только со временем, когда я уже начал работать по контрактам на иностранных судах мне открылась истинная картина оплаты труда советских рыбаков.

Она была в десятки раз ниже оплаты труда рыбаков любого иностранного траулера. Цифры зарплат, которые получали иностранные рыбаки, просто поражали!

Северная красота

На четырнадцатые сутки, приняв от БМРТ больше 7000 тонн мороженой рыбопродукции и попрощавшись сиреной с флотом Джорджес-банки, взяли курс домой.

Ветров с Норд-оста, Оста и Зюйд-оста, благодаря Николаю Угоднику, не было, океан сопутствовал нам без штормов, с великолепными закатами и утренним сияющим солнцем с зайчиками по склонам волн, радостного, прозрачного, тёмно-зелёного с сквозящими, почти невидимыми синими отблесками света и великолепные, с двухметровым размахом крыльев альбатросами.

Через двенадцать суток, пройдя Ла-Манш, Каттегат и Скагеррак, оставив по левому борту Борнхольм, подошли на

рейд порта Таллинн.

Здравствуй, Эстония!

Акулов Анатолий

1962 – закончил среднее Херсонское Мореходное училище.

1975 – закончил Калининградский технический институт.

1962–1991 – работал в Эстонском рефрижераторном флоте.

1992–2010 – работал старшим механиком в Иностранном торговом флоте. С 2010 – пишет свои воспоминания о работе в море.

С ноября 2012 года принят в Общество Русских Литераторов Эстонии <https://www.spr.ru/akulov.php>

Александр Дед

Пароход должен плыть

Зима. Наша северная зима. Лед, караван до кромки льда в районе Таллинна, а дальше, зимняя Балтика. За Датскими проливами нас ждет не менее суровое в это время года Северное море. Редко, когда оно спокойно. Цвет моря-серый, ветром срывает с волн морских белые барашки и пыль, от которой становится на душе еще холоднее. Мрачное оно и холодное даже летом. Два таких места хреновых, где всегда штормит-Северное и Бискай. Бискайский залив.

Покувыркавшись вдосталь в Балтике, с борта на борт и «голова-жопа-ноги» одновременно (борто-килевая качка), наш небольшой, 70 метровый кораблик, встал на выходе из Датских проливах на якорь, рядом с большими океанскими судами, которые, как и мы, пережидали непогоду. Встречный ветер, силою под 24 м/сек., рвал верхушки волн мотылял суда на якорных цепях, как крупных рыб, пойманных на хорошую блесну. Все ждали. «Ждали у моря погоды».

Сутки, вторые, но ветер не утихал. Штурманы смотрели карты погоды, включенный круглосуточно телевизор то дело переключался с новостей немцев на шведов, со шведов на датчан, а с них – на голландцев. Интересовали не ново-

сти, прогнозы погоды. Мастер упрямо мотал головой и пытался предугадать изменение направления движение циклона в нашем районе. Из больших судов движение не начинал никто, все ждали.

На третьи или четвертые сутки Мастер не выдержал. «Дед, заводи машину. Сейчас поедem»-сказал он. Провернулись на воздухе, запустились. Поставили шаг на ВРШ (Винт Регулируемого Шага) и тронулись. Тронулись, единственные из всех, кто был на рейде.

«По ноздрям» дало почти сразу, с борта-на борт, с носа-на корму. Килевая качка усилилась. Мы уходим в море все дальше и дальше. Нос вылетает из воды, корма уходит в воду, регулятор частоты вращения вытягивает топливную рейку ТНВД, садятся обороты машины и слышно, как снижается вой турбины. Кажется, что машина вот-вот остановится, но она отлажена, за нею и присмотр и уход должный. Теперь нос уходит в воду и вылетает корма, вой турбины резко возрастает и становится страшен, но предельный регулятор сбрасывает подачу топлива и не дает машине уйти в разнос. Я в машине, передвигаюсь, слегка расставив руки, чтобы не улететь на дизель генератор или насосы. Машинное отделение маленькое и в нем тесно. Лишний раз проверяю уровни масла в дизелях и топливо в расходной цистерне.

При такой болтанке не хватало еще, чтобы, хватанув воздуха, остановился один из дизелей. Если Главный двигатель, то вообще херово. Очень херово. Развернет бортом к волне

и оверкиль, перевернемся. «Прощайте скалистые горы...» А купаться в зимнем море не хочется никому. На борту спасательные плотики только. А в них придется залезать из воды немножко мокрым. Не май месяц на дворе. Гидрокостюмы у всех есть и я уже примерил свой. Так, на всякий случай. Сука, ну почему Дед, который его получал, был таким дрищем! Я не вмещаюсь в него при своих 180 см и 54 размере... Ему что, на танцы в нем ходить, взял бы на пару размеров больше! Верняк ведь, что пердунком был уже и мерз. Тепло-го бельишка наподдевал бы на себя.

Непруха бя.....Не влезу.

А ветер все усиливается. Команда чувствует приближение жопы и тупо дуется в «Тыщу» в столовке. Моя смена-электромеханик Дима, тоже здесь. Ждет, когда сможет кого-нибудь сменить в игре. «Как-то не спится, Саня»-отвечает он мне, сделав выразительные глаза. Периодически с моста, он тоже не спит, спускается Мастер. Он переключает ТВ с канала на канал и смотрит новости. Видно, что он нервничает и с каждым часом все больше. В машину мы заглядываем все чаще. Уже вне очереди туда периодически бегают два моториста, Дима и я. Быстро оглядев механизмы, пулей вылетаем наверх. Все в курсе, что, если перевернемся, спасения в машинном отделении нет. Уйдешь вместе с судном. Судно теряет ход, 1000 сильная машина уже начинает переставать справляться с усиливающимся встречным ветром.

По коридору взад-вперед мечется новый молодой второй помощник по кличке «Лабус» (он работал в Прибалтике). У него паника, в руках гидрокостюм и он то выскочит из каюты и подбежит к иллюминатору кормовой двери, то метнется назад в каюту. Бегаёт молча, но вид то вылетающей из волн, то полностью уходящей в воду нашей кормы, добивает его и начинается истерика. «Что вы сидите, ждете, когда утонем? Вы идиоты?»-блажит он. Электромеханик Дима глубоко вздыхает, спокойно кладет карты на стол и спрашивает: «А что делать то?». «Плотики, сбрасывать, с судна уходить!»-истерит Лабус. Моторист Сергей и боцман Саныч пытаются его успокоить: «Да, брось! Сейчас все успокоится, не ссы». Лабус вскипает и, бросив гидрокостюм в каюту, рвет на мостик. «Сейчас ему Мастер там покажет, и плотики и в воду прыгать»-заключает боцман. Все нервно смеются. По одному ходим в каюту и выкладываем поближе теплые вещи и ценное, чтобы схватить и надеть при необходимости.

Судно уже еле удерживается машиной против ветра. Наш ход падает до 2х узлов. Народ становится задумчив и мрачен. Лабус получил бздей на мосту за панику и сидит в каюте. Двери в каюту у всех открыты и стоят на штормовках, чтобы не захлопнулись. Боцман, молча и, стараясь сделать это спокойно, забивает ногой коврик под дверь в столовую и клинит ее намертво. Для надежности. Все понимают, что развязка приближается неумолимо. По ТВ иностранцы передают последний прогноз, усиление ветра до 28 м/сек.

Все... приплыли бя... Народ переглядывается. Стоящий у ТВ Мастер мрачно оглядывает всех. Все понятно без слов, но как-то не хочется. И на дворе уже темно и облака низко. Хрен с вертолета увидят. Ждем-с, как говорится.

Если бы случилось неизбежное, не писал бы я этих строк. «Если бы, да кабы...». Ошиблись синоптики. Стихать начал ветер. «Ну, говорил же я, что ветер стихнет!» – победно изрек Мастер. Команда тяжело вздохнула. Мы в очередной раз посмотрели в пустые глазницы той, кого называют "курносой". А в Роттердаме все тупо и мрачно нажрались. Лабус неделю не смотрел команде в глаза.

Когда возвращались назад, волны еще не растрепали венички на волнах. Их сбрасывают в море в том месте, где пропал в шторм маленький рыбачек. Я видел два. Значит, рыбачков было двое...

Судовой электрик, радист и дудочка

Мой друг-электрик Сергей, жил в каюте соседней с радистом (радистярой). На судах, (пока их не оснастили спутниковой связью), была радио-служба. Состояла из начальника радиации и радиста. Сутки вахты они делили пополам. Но есть в радиоэфире «три минуты молчания», когда все в море замолкают, чтобы услышать в эфире даже самую слабую мольбу о спасении- SOS, с тонущего судна. Судно движется, пересекая часовые пояса, а время подачи сигнала остается прежним, по Гринвичу и радио-служба несет свою службу в эфире. Время у них сдвигается, отдыхают они тоже по Гринвичу. Поэтому в длительных рейсах сдвигаются не только часовые пояса, но и время в мозгах радиослужбы. Начинают в головах у них путаться день с ночью и наоборот. Сергею, на стоянке, один из гостей оставил дудочку в подарок. Незатейливую деревянную детскую дудочку-трубку с дырочками. Чтобы тот не скучал в рейсе. Моряки, они же, как дети, только писи большие, а ум тот же. Сергей талантлив во всех отношениях. Полиглот, языки ему даются легко, хваток и рукаст. В свободное время собирал великолепные модели парусников в бутылках. Часть их было подарено друзьям, а часть уходила «на Ура» в антиквариате на Невском проспекте по 300 бачков за штуку. Наш третий друг, хозяйственный старший моторист Игорь, хотел даже поставить дело на поток и за-

няться реализацией изделий. Со своей стороны, обещал поставку пустых бутылок любых форм и количества, причем совершенно бескорыстно, в качестве вклада. Но, Сергей отказал другу. Для творческого процесса нужно время и соответствующее настроение. Халтура здесь совершенно не допустима. Да и зрение садится, изделия у него были штучными, многое он браковал и уже, почти законченное изделие (по моему мнению), шло «рядом с бортом», в открытый иллюминатор. Обладал Сергей и музыкальным слухом. Уже через час, на взятом в рейс для самообучения аккордеоне электромеханика, по моей просьбе, начал играть без нот «Амурские волны». Сидя как-то вечером в каюте, начал дудеть и на дудочке. Подбирать мелодию какую-то. Ну, подудел, подудел и в стол убрал. Через несколько минут зашел заспанный и всклокоченный радистяра-сосед. Присел и молча закурил. «Серега, чего-то совсем голова идет» – пожаловался он, после недолгого молчания. На удивленный встречный вопрос ответил, что начал он музыку слышать. Глюки у него пошли. Проверил радиоточку в каюте-выключена, поднялся в радиорубку – общесудовая трансляция тоже выключена. Совсем, видно, голова от смены часовых поясов едет. Перекурили они, и радист ушел к себе. Серега-парень с юмором, делать нечего на переходе вечером, вот он и повадился радиста изводить. Мелодия, которую он освоил почти в совершенстве, была «Гимн Советского Союза». Вот и наигрывал он ее в течение пары недель перехода. Судовой врач и наш

собутыльник Леша, тоже был в курсе розыгрыша. Когда радист обратился к нему с жалобами на «музыку в голове», Леша прочел ему целую лекцию о психических отклонениях у моряков, связанных с воздержанием. Успокоил, что с приходом на берег при возобновлении половой жизни, все пройдет само собой. За время перехода можно было наблюдать слоняющегося по судну радиста, разговаривающего самого с собою. «Здесь не слышу, а там слышу»-бормотал он.

Во время чаепития или в перекур, в присутствии радиста, кто-нибудь из присутствующих поднимал ненароком тему о начинавших звучать и у него в голове голосах или мелодиях. Тема охотно поддерживалась и развивалась остальными.

Но все тайное, когда-то становится явным. Запалился и Серега, не успев вовремя убрать дудочку в стол. Мир с радистом был восстановлен только после распития ударной дозы спиртного. На врача Леху радист надулся до конца рейса.

P.S.

«Три минуты молчания – Сигнал SOS был принят на флоте в 1908 году. Вопреки общепринятому мнению это не означало «Save Our Souls» («Спасите наши души»). Буквы SOS не имеют никакой расшифровки. Они просто были выбраны как наиболее простая и отчетливая комбинация (три точки, три тире, три точки). И с тех пор 48 раз в сутки, два раза каждый час (с 15-й по 18-ю минуту и с 45-й по 48-ю), наступали три минуты тишины в эфире. Обрывались на полусло-

ве все сообщения, и радисты всего мира настраивались на частоту 500 герц в ожидании сигналов бедствия. Первый раз они прозвучали в эфире 14 апреля 1912 года с печально знаменитого «Титаника». Азбукой Морзе весь мир пользовался долгие годы, а позывные SOS спасли сотни тысяч жизней. Но с 1 февраля 1999 года мир перешел на новую сигнальную систему. Технический прогресс остановить невозможно, и современное оборудование позволяет осуществлять связь в автоматическом режиме, с применением буквопечатающих устройств и факсимильных аппаратов»

Дед Александр

Закончил ЛВИМУ, СМФ. До его развала работал в БМП, потом до 2002 г. в частных компаниях, как Российских, так и греческих, <https://www.proza.ru/avtor/ded2015>

Алексей Антонов

Убежавший в небеса

«Жизнь похожа на коробку шоколадных конфет.

Никогда не знаешь, какую вытянешь».
Художественный фильм «Форрест Гамп».
Мама Форреста.

«Порок не в том, что мы пьянствуем, а в том, что не поднимаем пьяных».

А. П. Чехов.
«Беда».

«Человеческая жизнь напоминает мне пачку денег, которая лежит в ящичке стола и которую никто не считал. У каждого она разной толщины, но всем кажется, что денег ещё много. Тратят их все по-разному: одни скупно, экономя каждую копейку, другие щедро, но с умом, третьи же – бросая на ветер бездумно и глупо... И лишь когда пачка подходит к концу, скупцы приходят в, неопиcуемый ужас, отказывая себе в последнем, другие спокойно и трезво подводят баланс, третьи же – устраивают на последние деньги пир. Но пачка

у всех рано или поздно всё равно заканчивается...»

А. Антонов.

Мысли вслух.

Я иду по вечернему городу. Сейчас влажно, накрапывают мелкие, почти невесомые и невидимые капли, поэтому всё вокруг, как в тумане. На мокром асфальте отражаются огни домов, витрин и шуршащих колёсами автомобилей.

Осень.

Я иду и улыбаюсь.

Это мой город. Мой родной город. Я люблю его.

Сегодня пятница, и я решил пройтись пешком.

Ничего, что вокруг сыро и прохладно – дома меня ждёт тепло и уют.

И поэтому я не замечаю холода и сырости.

Мне хорошо.

Я улыбаюсь.

Я иду по родному городу, воздух которого я впервые вдохнул сорок лет назад и до сих пор не могу им надышаться. Городу пальм и кипарисов. Городу роз и олеандров. Городу, вскипающего весной бело – розовой пеной цветущих слив и миндаля, а зимой белеющего заснеженными пальмами. Городу, где так сладко шумит южный ветер, где подснежники распускаются в январе, а миндаль расцветает в феврале, городу, в котором хочется прожить всю свою жизнь и завершить её под шум морского прибоя, наблюдая, как картинно садится солнце в бесконечно мудрое, вечное море...

Это мой город.

Я люблю его, наверное, больше всего на свете.

Родной, милый, любимый город... Тихий, патриархальный. Город, где остановилось время. Город пальм и кипарисов. Город, где так уютно ворчит зимнее сонное, вечное море и поёт древние песни северный ветер... Где вечно спит, уткнув лапы и морду в море, огромный каменный медведь, поросший лесом. Где так пронзительно кричат о чём-то чайки и каркают вороны на ветвях огромного старого платана. Город, в чьём небе так огромны звёзды и так грустно садится в вечернее море солнце, чтобы наутро взойти вновь...

Я так скучал по нему когда был далеко, в северном, засыпанном снегом городе, и, засыпая в холодной койке, возвращался в него в своих сказочных снах.

И вот я вернулся. Вернулся уже давно. И вот иду по его улицам.

Я иду по улицам, по которым совсем давно маленький мальчик ходил со своей мамой. Это был я. И я помню всё, как было. Каждый камень, каждую веточку.

Здесь когда-то было уютное кафе с молочным коктейлем и вкусными свежими пирожными. Теперь его нет. Здесь какой-то магазин модной одежды.

Здесь был почему-то невероятно уютный овощной магазин, в котором продавали на розлив натуральный сок из стеклянных конусов.

Его тоже нет. Здесь какой-то офис.

Вот старый театр. В него я иногда хожу. Его недавно отреставрировали, и теперь внутри современные кресла, кондиционеры, и театральный звонок заливаётся нежной трелью.

Как я люблю его – этот театр! Я недавно ходил в него с женой. И так было хорошо неторопливо идти вечером по тёмным и тёплым ещё улицам, обсуждая спектакль.

Вот место, где была пивная, в которой я, 16-летний, впервые в жизни когда-то попробовал пиво. Теперь её нет – на её месте построили современный ресторан – кафе. А вокруг заросли бамбука и растут банановые деревья.

Это главная улица моего города – набережная, идущая вдоль моря, которая летом никогда не спит, и толпы праздных, пёстро одетых, весёлых людей бесцельно движутся по ней взад и вперёд в какофонии музыки, смеха, многоголосого говора, грома фейерверков, в круговерти казалось бы, бесконечного праздника жизни.

Зимой же она, неторопливо пустынная, как будто бы спит, отдыхая, набираясь сил к следующему лету. Вместе с морем.

Я иду мимо этого моря, такого родного, знакомого с одной стороны и загадочного с другой, ласкового летом, сурового зимой, задумчивого осенью и радостного весной. Оно кажется не имеющим конца и вечным, но я знаю, что это не так. Как и невысокие, но удивительно прекрасные горы, на склонах которых, полукольцом окружающим его, расположился мой город.

Ничто в этом мире не вечно.

Кроме одного. Я знаю, что это, но не могу подобрать слов, чтобы выразить. И от этого страдаю.

Я иду дальше. Вперёд и вперёд.

Я иду к себе домой. Туда, где меня ждут.

Вокруг люди. Одни неторопливо идут навстречу, другие обгоняют меня. Я люблю их всех. Это люди моего города.

Я тихонько улыбаюсь им.

Я подхожу к своему дому. Я живу в нём не очень давно – но это мой дом. Я сам создал его. Создал его тепло и уют. Я очень, очень долго ждал его. Мучился, создавая его, терпел лишения и неудобства. Но теперь это мой дом.

Я иду к нему неторопливо, зная, что ждёт меня внутри.

Раньше у меня был другой дом. Этот я долго и мучительно создавал сам, годами шёл к нему, через мучения и неудачи, когда всё, казалось, рухнуло в чёрную, бездонную пропасть... И вот – он стоит, и горят уютным светом окна, и я иду к нему.

Открываю дверь своим ключом и захожу внутрь. Я почему-то не люблю, когда меня встречают домашние, и поэтому всегда открываю дверь сам. Только собака всегда заранее знает, когда я прихожу домой (она всегда начинает ждать меня заранее, за десять-пятнадцать минут до моего прихода домой, как будто чувствует, знает что-то неведомое мне, когда бы я не пришёл – мне об этом говорили домашние), так вот, собака радостно бросается ко мне. И я радуюсь вместе с ней. Глажу и сильно треплю её за ушами. Погуляю с ней

позже.

Я безумно люблю её.

И всё ей прощаю.

Как и она прощает всё мне, даже то, что я пойду гулять с ней не прямо сейчас, а позже (а гулять, тем более, вместе с хозяином – очень важно для собак).

Она тоже меня безумно любит.

Я прохожу по тёплому, уютному коридору – прихожей, в которой всегда царит полумрак – так мне захотелось. На стенах по обе стороны висят картины и миниатюры в современном стиле – они были куплены и подарены мне разными художниками из нашего города.

Снимаю пальто.

В коридоре вкусно пахнет чем-то, пока не могу понять, чем (кухня на другом этаже), но явно мясом. Или птицей. А, может быть, и рыбой. Я всегда не очень хорошо мог определять запахи, даже в ранней молодости, на медкомиссии в военкомате. Тем более, когда пряностей так много... Но явно вкусно.

Я и сам очень хорошо готовлю и люблю это делать. Но сегодня жена, очевидно, решила меня чем-то побаловать. Пусть.

Слышны приглушённые детские голоса и шум телевизора. Дети, наверное, играют где-то у себя. Или на кухне с матерью. Во всяком случае, я их скоро увижу, как и жену.

Но несколько позже.

Сейчас я поднимаюсь в свой кабинет.

Ослабляю галстук и снимаю пиджак.

Сажусь за свой рабочий стол. Он огромен, зелёного сукна, «под старину». Стоил мне бешеных денег, но я о них не жалею.

Деньги вообще никогда не стоит жалеть.

Кроме тех случаев, когда они потрачены на какое-нибудь постыдное и бесполезное дело.

Слева, у стены, стоит аквариум с рыбками. Он всегда светится уютным, зелёно-голубым светом. В нём уже много лет идёт какая-то таинственная, неизвестная мне жизнь. Рыбы и моллюски рождаются, умирают и снова рождаются как бы совершенно без моего участия. Я даже не слежу за тем, сколько их сейчас находится в нём. Только кормлю, иногда доливаю воду и прореживаю растения.

Только иногда я долго-долго смотрю на него, вглядываясь в таинственную сине-зелёную глубину, и...и...

И снова, в который уже раз, не нахожу ответа.

На моём столе стоит несколько фотографий – цветных и чёрно белых, групповых и одиночных, и даже попадаются морские, лесные и горные пейзажи, но сейчас мой усталый взгляд приковывает одна.

Та, что стоит по центру и чуть-чуть слева.

Фотография старая, чёрно – белая, очень плохого качества, и, на первый взгляд, тем более, непосвящённому человеку трудно и даже невозможно разобрать, что изображено на ней, но я... я ведь... я – то отлично знаю.

На ней – два молодых парня, стоящих в обнимку в те-

ни лаврового дерева, хотя вокруг всё залито ярким летним солнцем, из – за тени лиц не видно.

Видно только, что один в белоснежной морской форме с синим воротником (этот воротник на флоте называется, как флаг, поднимаемый на морских крепостях, гюйсом) и в лихо заломленной на затылок бескозырке.

Второй же в пятнистой маскировочной форме, называемой камуфляж или комок, тельняшке и голубом берете десантника.

И хотя всех подробностей из – за плохого качества не видно, я так уверенно описываю их, потому что я прекрасно их помню, хотя прошло четверть века.

Потому что одним из этих двух парней был я.

Второй... второй был мне, как брат. Несмотря на то, что был почти полной моей противоположностью. Несмотря на то, что мы учились в одном классе, абсолютно не замечали друг друга, и лишь потом, по окончании школы, крепко-накрепко сдружились.

Даже потом, когда военная судьба забросила нас на противоположные концы нашей огромной и великой страны, мы регулярно писали друг другу письма. Мы могли позволить себе в них сказать друг другу то, самое сокровенное, что никогда не доверили даже бы родным матерям.

Поэтому его письмам я всегда радовался даже больше, чем письмам из родного дома.

И до сих пор храню их (как мне это тогда удалось – сам

не понимаю), как дорожую реликвию.

Как талисман.

Который связывает меня незримой нитью с тем временем.

В тот яркий июльский день я внезапно, сам того не ожидая, приехал домой. Приехал не навсегда, а на две недели, даже, кажется, дней на десять.

И, не успев я перешагнуть порог родного дома, как в дверь позвонили.

Я даже форму не успел снять.

За дверью стоял он – мой друг.

Мой брат.

Мы не виделись почти два года – чудовищный срок в том возрасте.

Мы кинулись друг другу в объятия.

Тем же вечером было выпито море чудесного крымского марочного вина, которое сейчас очень сложно достать и которое стоит бешеные деньги, а тогда продавалось на каждом шагу и стоило копейки...

И на следующий вечер.

И на следующий...

А утром четвёртого дня он уезжал обратно к себе в часть. Его отпустили в отпуск раньше меня, и задержаться было никак невозможно.

У них там было очень строго, даже жёстко.

Гораздо строже, чем у меня.

Я надел форму и пришёл его проводить...

Его нет в мире живых уже очень, очень давно, и даже очень давно он не приходит ко мне в моих светлых снах, но... хотя сегодня не его день, пожалуй, надо бы сходить к нему на могилу. Я давно не был там, пожалуй... сколько же? Больше года... или же два? Может быть, два?

Но прошлой ночью что-то заняло в душе.

Что-то... нет, не вспомнить сейчас, но... что-то, связанное...

Нет, не вспомнить.

И поэтому я сижу сейчас, вглядываясь в старую, выгоревшую, чёрно-белую фотографию.

Может быть, она напомнит, для чего.

Для чего мне нужно идти на кладбище.

Потому, что идти туда «просто так» – бессмысленно.

Я закрываю глаза.

Как же я устал!

А в чём дело? Что случилось? Почему вдруг стало так холодно и что это такое мокрое?

Я с трудом разлепляю глаза.

Ничего не вижу.

Нет, что-то есть.

Но почему так мокро?

Да это же дождь!

А что это передо мной? На столе? И стол какой-то другой.

Металлический и обшарпанный. И сижу я чёрт-те на чём. Но сперва... сперва... Чёрт с ним, с дождём!

Я навожу резкость. С трудом, но навожу.

Чёрт!

Вот почему мне так плохо.

Это бутылка, и даже не одна.

Одна коньячная, из-под дешёвого коньяка, а вторая из-под водки.

И в обеих даже что-то есть. Немного, но есть.

Так!..

Нужно вспомнить. Нужно обязательно вспомнить.

Я хватаю коньячную бутылку за горлышко и одним глотком вытягиваю жидкость... фу-у-у, какая гадость... чуть не стошнило... прилично же здесь ещё осталось... а-а, чч-чёрттг, обожгло как! И горло, и язык! Сейчас, сейчас, провалится... нет, нет! хочет назад... не пушу! есть! есть! провалилось!

Но какая же всё-таки гадость!

Помню, как мы шутили с ним: «И как же эту гадость коммунисты-то пьют!»

Нет, пока не могу вспомнить.

Зато стало понятно, где я.

Нет.

Не на кладбище.

Дождь, слава Богу, наконец-то прекратился.

Или я его не чувствую.

Весь мокрый, чёрт.

Я сижу на скамейке в парке.

А передо мной столик. Поставленный ещё в незапамятные времена. Времена, когда скамейки в парках не были загажены и изломаны, а люди присаживались за столики для того, чтобы просто тихо и хороню посидеть. Просто так. Чтобы было удобно и хороню.

Чтобы тихо звенела гитара, и шипело вино в простых стеклянных стаканах (а не в мерзких пластиковых, таких, как тот, что валяется сейчас под стол ом)... Когда парки украшали балюстрадами, колоннадами и статуями. Девушки с веслом. Или пионера с трубой. Наивными, порой некрасивыми, но удивительно милыми.

И никто не отбивал им головы и не расписывал похабщиной.

А если это вдруг (вдруг) когда-нибудь и случалось, всё быстро восстанавливали.

И быстро появлялась милиция.

Не та, что сейчас, с дубинками, автоматами, собаками и бронежилетами.

А другая, строгая, даже суровая, но справедливая и отходчивая.

Порой даже без (даже без!) оружия и дубинок, но(!) даже в количестве одного(!!!) человека.

И, главное, такую милицию слушались.

Практически все.

И боялись (вот чудачки были люди – как можно бояться одного безоружного, даже без дубинки и наручников, пожилого и пузатого милиционера? Может, из-за усов?)

Но, нужно признаться, боялись и уважали не только за страх.

А ещё и за совесть.

Наверное, потому, что у людей в то время было гораздо больше совести, чем сейчас.

Я ещё помню то время. Я его застал. Не очень долго, но застал.

Чудесное, надо сказать, было время!

Хотя и не во всём. Даже далеко не во всём.

А теперь от этого времени почти не осталось ни статуй, ни балюстрад, ни колоннад, ни беседок... А если где и остались, то, как правило, изломанные и расписанные похабщиной. Есть много других, новых, и даже не менее, а более красивые (иногда), чем те, но... но... что-то не то! Чёрт его знает, почему!

Да вот ещё этот столик.

А!

Теперь кое-что прояснилось.

Мы с ним любили посидеть за этим столиком, иногда с друзьями, иногда с гитарой, иногда полчаса, иногда всю ночь. Недалеко находится его дом, а столик располагается глубоко в зарослях, и о нём мало кто знал, даже не все аборигены и милиция, и мы сидели. Лилось в стаканы вино, иногда

марочное, а иногда дешёвое, но дьявольски вкусное и хорошее, а иногда и водка (водка, блин!), звенела гитара, горел на столе огарок свечки, и...и...чёрт, как же было хорошо!

А теперь остался лишь один этот столик.

Ещё один глоток коньячной бурды. Фу, какая гадость! Но уже полегче.

Так... ладно.

Но как же я сюда пришёл? Нет, ну, конечно же понятно, ногами.

И даже понятно, зачем.

Но когда?

Взгляд падает на часы.

Ччёррт! Время-то! Надо скорее идти домой.

Влетит мне там, наверное.

И, вообще, как я ушёл из дома? И когда? Ничего не помню. Что же со мной?

Я тяжело поднимаюсь со скамейки. Ноги немного затекли.

Ничего, расхожусь.

Убираю со стола, как культурный человек. Одну бутылку, пустую – в карман брюк (выброшу по дороге). Другую, с остатками водки – во внутренний карман куртки (позже допью, чего уж там, семь бед – один ответ!)

Начинаю своё неторопливое движение. Вот и освещённый ночными фонарями памятник великому русскому писателю Чехову. Он сидит, закинув одну ногу на другую. Помню, в детстве, мы часто развлекались, рассказывая приезжим, что

Чехов ровно полночь меняет положение ног. И немало веселились, когда беззаботные весёлые отдыхающие верили нам, кивая в ответ и обещая, что непременно придут посмотреть на это в полночь к памятнику.

Конечно же, конечно, весёлые, беззаботные и слегка пьяные отдыхающие, легко за две недели спускающие заработанные тяжёлым трудом где-нибудь на Севере или в далёкой, жаркой и опасной стране деньги, нефтяники, космонавты или просто инженеры, конечно же, они просто делали вид, что поверили нам, юным хулиганам, на самом деле не желавшим ничего плохого этим добрым людям. Никогда не просивших у них ни денег, ни чего – либо другого – мы просто развлекались..

Миную старый тир, когда-то показанный в одном культовом фильме. Я очень любил стрелять в нём с самого раннего детства, даже тогда, когда мои руки были слишком легки для того, чтобы зарядить и удержать винтовку. Поэтому винтовку мне заряжали взрослые, а стрелял я, стоя на специальной подставке, а винтовку укладывал на специальный упор. Конечно же, он сейчас закрыт на ночь, но ещё недавно, летом, он работал до глубокой, чёрной южной ночи. Внутри было всё, как и тридцать лет назад, только играла другая музыка и... хозяин, нет, наверное, не хозяин... как его назвать, даже не знаю – управляющий тиром, что ли – был другой. И мишени поизносились. Некоторые даже не работали, как например, самая трудная цель – два бомбардировщика, кото-

рые, если в них попадали, роняли бомбы, взрывающиеся с оглушительным грохотом.

Ладно, это было летом, а сейчас поздняя осень.

Холодно.

Достаю из кармана водку, делаю глоток. Водка кажется ещё гаже, чем коньяк. Там остаётся совсем чуть-чуть, дойду до ближайшей урны, допью до конца и выброшу сразу весь мусор, что несусь.

Иду дальше.

Вот и школа. Моя родная школа, которую мы прошли с моим лучшим другом, почти братом, от начала до конца. Знали ли мы с ним тогда, когда закончили, когда, пьяные, но не от спиртного (которого тогда мы выпили совсем мало, почти что ничего), а от сладкого тёплого южного воздуха и от ещё неизвестного до этого чувства свободы, счастья и неизвестности будущей, взрослой, совсем взрослой (было немного страшно, но жутко интересно), но, безусловно, долгой и счастливой жизни, мы бродили всю ночь по чистому, умытому поливальными машинами спящему городу, встречая рассвет в море, на специально заказанном для нас, выпускников, катере, разве, знали ли мы, разве могли знать, предвидеть, что жить некоторым из нас на этой Земле времени осталось меньше, чем нужно, чтобы пройти, тогда казалось, бесконечную учёбу в школе от самого начала до самого конца? И конец моего друга будет так нелеп, скор и страшен? И если бы знали, то могли бы тогда что-то изменить в чело-

веческих судьбах? Его, да и моей? Как знать, как знать...

Напротив школы старое, уже полуразвалившееся здание, увитое лианами глициний, которые так сладко пахнут летом. А сейчас глицинии спят, похожие на тропические лианы, или на какие-то фантастические удавоподобные существа, взобравшиеся на стены, да так и уснувшие навсегда.

Сейчас оно, покинутое людьми, медленно разрушается, а когда-то раньше в нём снимали фильмы, отдыхали известные всей стране, да и всему миру люди, и был первоклассный ресторан, из подвала которого всегда оглушительно пахло свежесдобными сдобными булочками. На летней террасе ресторана всегда было многолюдно, играла музыка, шипело горячее мясо, которое нарядные, праздные люди запивали ледяной, шипящей, безумно вкусной минеральной водой или разными винами... Господи!

Господи, как же это было давно!

Когда весь мир казался так огромен, прекрасен и загадочен, когда вся жизнь, напоминала лето, не имеющем конца, и состояла из огромных детских радостей, великих открытий и горьких, но маленьких и быстро забывающихся детских огорчений и обид...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.